

ФАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА)

О. В. Спиридовский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2011 г.

Аннотация: объектом анализа в статье является политическая коммуникация фатического характера в различных лингвокультурах. Подробно разрабатываются ее мотивационный, жанровый, лингвостилистический аспекты в президентском дискурсе, доказываемая идея необходимости и культурной универсальности фатического общения в политической сфере.

Ключевые слова: политическая коммуникация, президентский дискурс, фатические жанры, фатическая функция, интегративная функция, культурная универсальность.

Abstract: the paper discusses phatic political communication in various languages and cultures. The author specifically studies motivation, genres, language and stylistics of the phatic part of the presidential discourse, and advocates its fundamental communicative role and cultural universality.

Key words: political communication, presidential discourse, phatic genres, phatic function, integrative function, cultural universality.

В широко известной модели коммуникации Р. О. Якобсона, имеющей телеологический, целеполагающий характер, в качестве одной из функций общения называется фатическая функция. Она связана с адресантом (отправителем) сообщения и, по сути, выражает его желание установить, поддержать или завершить процесс общения [1]. К наиболее типичным фатическим маркерам можно отнести формы приветствия и прощания (в том числе невербальные, например, рукопожатие). В то же время в последние годы всё чаще встречается точка зрения, согласно которой правомерно говорить не только об отдельных фатических маркерах, но и о целых коммуникативных событиях и даже жанрах общения, отличающихся фатическим характером [2–5]. Позиция данных авторов основана на том, что зачастую преобладающей интенцией участников общения служит поддержание коммуникации принципиально неинформативного характера, а отнюдь не передача информации друг другу. Следует также заметить, что на стратегическом уровне поддержание общения в идеологически маркированном дискурсе (например, в политическом) может быть продиктовано различными, в том числе и внеречевыми, мотивами (хотя, конечно, в практике неинституционализированного общения могут возникать случаи, когда фатика является следствием обычной коммуникативной несостоятельности, а вовсе не проявлением стратегической коммуникации).

Таким образом, современные трактовки фатической коммуникации уже достаточно далеки от представления о том, что фатика – это некая остановка подлинной коммуникации, своего рода антикоммуникация, означающая признание в том, что говорить больше не о чем и незачем. Напротив, сегодня можно говорить о том, что фатическая коммуникация телеологична, ориентирована на реализацию вполне определенной цели, а именно на такое построение коммуникационного процесса, с помощью которого адресат сможет «опознать» в дискурсе адресанта собственные (или, по крайней мере, максимально близкие к ним) ценности, пресуппозиции, ожидания и т.д.; на конструирование общего, взаимно разделяемого участниками коммуникации дискурсивного пространства; на создание единой консенсуальной сферы взаимодействия [например: 6]. Такая цель, связанная с координацией коммуникации, ее мониторингом, тем более актуальна для политического дискурса, в котором в силу преимущественно массового характера общения утверждение интегративного, объединительного начала становится фундаментальным условием развития политических систем и субъектов (единичных и коллективных), даже их выживания и жизнеспособности. Действительно, известный принцип экономии ментальных усилий, согласно которому узнавание уже познанного ранее или когда-либо принятого на веру проще, чем само познание [7, 8], как нельзя лучше обслуживает именно те социальные сферы коммуникации, в которых массовый характер общения практически не оставляет массовому адресату (в

политике – народу, избирателям) возможности для выводного знания, для размышлений об истинности сообщаемого, зато предоставляет все условия для узнавания «своих» и «чужих» с помощью быстродействующих паролей и стереотипов, обобщающих совокупный предшествующий опыт получателя.

1. Мотивы фатического общения в политическом дискурсе

Зададимся вопросом: какие же именно побудительные причины приводят к распространению фатичности в дискурсивной сфере политики? На наш взгляд, фатический характер политической коммуникации можно объяснить, в первую очередь, стремлением ее агентов к сохранению, поддержанию, укреплению своего властного статуса. Сущность феномена политической власти такова, что, получив однажды доступ к властным ресурсам, политики стараются использовать все возможные способы для того, чтобы эта ситуация не изменилась [см. подробнее: 9–11, 5, 12, 13]. Актуализация же информационной, познавательной функций языка неизбежно означает явную или скрытую угрозу для существующего положения вещей, так как открытие новых фактов, познание новых идей, переосмысление ценностей способны изменить сначала коммуникативный статус тех или иных участников политического процесса, а затем и собственно политический, властный. При этом статус политического субъекта, повышение или укрепление которого и является основной целью фатической коммуникации, в данном случае интересует нас прежде всего не как сугубо юридическая категория, а в большей степени как категория коммуникативная. Здесь также следует оговориться, что коммуникативный статус в политике имеет тенденцию меняться в зависимости от статуса юридического, социально-административного, хотя это совершенно не означает, что, например, лингвистическая и интерактивная компетенции субъекта в политике непременно станут более высокими вслед за повышением его административного статуса [более подробно см.: 14, с. 99–100]. В связи с этим заметим, что сохранение юридического властного статуса фатическими средствами интересует политиков не само по себе, а именно как возможность получения определенных дискурсивных предпочтений, которые П. Бурдье назвал символическим капиталом или привилегированным правом на речь [12].

Таким образом, считаем необходимым к ставшему уже аксиоматичным утверждению о стабилизации, сохранении власти как об основной цели политической коммуникации добавить еще одно замечание: власть становится ключевой категорией политического дискурса не в качестве самоцели, а в качестве исключительного и уникального в своем роде источника коммуникативной авторитетности, понимаемой

как способность и возможность получения коммуникативных «дивидендов» (в виде осуществления перформативного дискурса, преимущественного права на речь, навязывания собственного способа конструирования языковой реальности и т.д.) в условиях априорного и принципиального коммуникативного неравенства в мире политики. Достижение большего, приоритетного коммуникативного права возможно с помощью различных способов (в современных политических реалиях – практически всех, которые доступны политикам, от легитимных выборов до скандала [15]), однако для подтверждения уже достигнутого избираются, как правило, фатические приемы, например, специальные жанры ритуальной коммуникации, отличающиеся рекуррентностью, циклическим характером взаимодействия, клишированностью формы, банальностью содержания [11, 16, 5]. Действительно, такие примеры жанров ритуальной коммуникации, как новогоднее обращение президента России к согражданам или субботнее радио- и видеообращение американского президента к соотечественникам (см. далее), практически полностью лишены даже малейших элементов информационной новизны, их существование и, более того, весьма высокая жизнеспособность в политическом дискурсе восходит к чисто фатическим мотивам – дани традициям политической культуры, поддержанию контакта с массовой аудиторией, подтверждению и закреплению авторитетности слов автора, консервации сложившихся отношений по линии «институт – граждане».

Как следует из проведенного ранее исследования [см. подробнее: 16, с. 212–213], жанры фатической (в другой терминологии – ритуальной, эпидейктической) коммуникации количественно доминируют в жанровом пространстве политического дискурса в австрийской, американской, немецкой лингвокультурах по отношению к другим разновидностям жанров политической коммуникации, выделенным в работе Е. И. Шейгал [5, с. 323]. Это вполне можно объяснить тем, что общество не может существовать в условиях открытой длительной борьбы за власть, эксплицитного обострения противостояний и конфликтов, вызванных (пере)распределением статусов и ресурсов, оно в большей степени нуждается в ритуальных действиях, которые закрепляют иерархию в социуме, сложившиеся в нем статусные отношения и систему ценностей.

2. Жанры фатического общения в политическом дискурсе

Жанровое пространство современного политического дискурса (в странах с длительными, устоявшимися традициями политической культуры) представляет собой сложным образом структурированное гетерогенное поле динамического взаимодействия

участников политического общения. В числе последних оказываются совершенно различные по своим характеристикам агенты и клиенты политического дискурса как вида институциональной коммуникации [11] – единичные и коллективные, профессиональные и непрофессиональные, обладатели властного статуса и лица, лишенные какого бы то ни было доступа к управлению властными и информационными ресурсами и их распределению.

Вполне естественно поэтому, что политическое общение развивается под воздействием разнообразных мотивов и тенденций, зачастую весьма противоречивых и разнонаправленных. В связи с этим даже в пределах одной лингвокультуры едва ли возможно описание политического дискурса целиком, без внимания к описанию и моделированию его отдельных участков и структур. Что же может служить в качестве единицы анализа политического дискурса? Ряд исследователей убедительно доказывают, что таковой следует считать *жанр*, т.е. «устойчивый тип риторического произведения, единство особенных свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями общения и ориентированное на реакцию адресата» [17, с. 34]. Хотя большинство исследователей, работающих в области изучения жанровой проблематики, признают, что теория и классификация речевых жанров не являются до конца разработанными [подробнее, например, см.: 3], всё же представляется возможным выделить некоторые типы жанров применительно к политическому общению и указать на их дифференциальные признаки.

Наиболее продуктивной идеей для типологии жанров политического общения нам представляется разграничение Е. И. Шейгал трех жанровых разновидностей: агональных (сопоставительных), ориентационных и ритуальных (фатических). Отметим, что в последней группе доминирует фатика интеграции, противоположная информативности, характерной для ориентационных жанров [5]. Кроме этого, при анализе фатических политических жанров воспользуемся известной мыслью М. М. Бахтина о разграничении первичных и вторичных жанров общения [18].

Существует ряд жанров политической коммуникации (как универсальных, так и культурно-специфических), которые отличаются фатическими признаками. Это и новогоднее обращение президента России, и инаугурационные президентские обращения в различных лингвокультурах, и еженедельные (!) радио- и видеообращения президента США к согражданам. При всех очевидных различиях нельзя не заметить и целого ряда общих признаков подобных коммуникативных событий, характерных, по всей видимости, для фатических жанров институциональной коммуникации.

1. Регулярно воспроизводимый хронотоп общения (время и место дискурса). Например, по традиции, начало которой в американском политическом дискурсе было положено Франклином Рузвельтом, президенты США обращаются к своим соотечественникам в еженедельном субботнем радиоэфире из Белого Дома. И хотя форма этой традиции, как, впрочем, и любых других, иногда модифицируется (президент может выступить из другой страны в случае зарубежной поездки или обратиться к гражданам в телевизионном эфире), коммуникативное событие президентского субботнего обращения в любом случае остается событием *циклического* характера, *воспроизводящим* сложившиеся отношения в пространстве политического дискурса США (подробнее о способах воспроизводства этих отношений см. далее).

Точно так же и инаугурационные обращения глав государств, являющиеся константой политического общения во многих лингвокультурах, всегда приурочены к знаковому моменту политической жизни – вступлению в должность лидера страны. Заметим, что инаугурационная речь президентов в американской лингвокультуре является исключительно давней традицией, существующей с 1789 г., т.е. с момента основания самого института президентства. Она произносится каждый раз при вступлении главы государства в должность в определенный день, установленный традицией. Начиная с 1789 г. этим днем долгое время неизменно было 4 марта, а в 1937 г. благодаря Франклину Рузвельту появился новый обычай, поддерживающийся и сегодня, согласно которому инаугурационное обращение приходится на новую фиксированную дату – 20 января. С одной стороны, инаугурационное обращение – не более, чем символическое риторическое произведение, но сегодня для многих людей оно мифологизируется и становится частью возвышенного патриотического дискурса, без которой вступление в должность главы государства почти невозможно представить (вспомним, как незначительное отступление от канонической части текста инаугурационного обращения президента Барака Обамы в январе 2009 г. даже вызвало общественную полемику, многие из участников которой предлагали избранному президенту повторить произнесение политически сакральных слов).

2. Коммуникативная позиция политика (роль гомила). Роль президента в жанре субботнего радио- или видеообращения в США, новогоднего обращения в России, инаугурационного обращения в Австрии, Германии, России, США и, по всей видимости, во многих других странах обладает рядом общих особенностей. Поскольку глава государства уже избран, то ему больше не с кем и не за что бороться. Фигура президента изначально поставлена выше присутству-

ющих, на его инаугурационную речь не отвечают другими подобными речами. Это дает основания ряду исследователей утверждать, что эпидейктическое инаугурационное обращение сближается с *гомилетикой* (в узком смысле – теорией церковных проповедей), понимаемой как раздел риторики, для которого характерна обращенность к сочувствующей аудитории, расчет на долговременное воздействие, несколько отстраненное от конкретных насущных проблем (в противовес ораторике) [19, 20]. В инаугурационном обращении фатика, вне всяких сомнений, преобладает над информативностью. Важным становится сам факт его произнесения, который делает речь событием в первую очередь политическим, а уже потом – речевым. Таким образом, роль президента в жанре инаугурационной речи во всех исследуемых нами лингвокультурах – это роль гомилета, контролирующего ситуацию общения в результате победы на выборах (или в результате избрания Федеральным Собранием, как в Германии) и завоевавшего себе право на «общественную проповедь».

Несмотря на то, что ни непосредственная аудитория, ни телеаудитория не могут быть однородными по своему составу ни с какой точки зрения, есть все основания полагать, что коллективный адресат инаугурационного обращения един в своем признании за гомилетом законного права на эту речь. Неслучайно в США завершающим аккордом предвыборной кампании является ритуальный телефонный звонок проигравшего кандидата победителю, в котором он сообщает о признании победы своего бывшего оппонента, а в Австрии соперники публично благодарят друг друга за участие в кампании и желают взаимного успеха. Следовательно, аудитория посредством инаугурационной речи в каждой анализируемой нами лингвокультуре узнает в президенте того человека, который по всеобщему согласию будет лидером страны в ближайшие годы, и других альтернатив при этом перед аудиторией не существует.

3. Жанровая композиция. Для жанров фатического общения характерно построение соответствующих риторических произведений по заданным композиционным принципам. На наш взгляд, главным объяснением воспроизводимости композиционной структуры фатических жанров служит их вторичный характер (термин М. М. Бахтина), иными словами, эти жанры требуют подготовки, имеют сложную композицию и сложный расчлененный тезис. Кроме этого, продолжая мысль М. М. Бахтина о характере взаимодействия адресанта и адресата, можно сказать, что жанры фатического общения в политическом дискурсе не предполагают непосредственной реакции аудитории на слово или действие, тяготеют к моноличности, а значит, риск корректировки аудиторией коммуникативного замысла политика сводится к

нулю. Такая «коммуникативная монополия» отправителя сообщения приводит к тому, что политик последовательно выстраивает целостный дискурс без угрозы каких-либо коммуникативных сбоев, спровоцированных реакцией собеседника. В таких условиях возрастает возможность композиционного повторения, клишированности жанра (очевидно, что, например, нефатические президентские теледебаты и для зрителей, и для непосредственных участников – жанр более непредсказуемый, чем новогоднее или инаугурационное обращение).

Фатическое общение в политическом дискурсе начинается с констатации какого-либо факта (уже хорошо известной аудитории) или события (также вполне очевидного всем слушающим):

«*Совсем скоро под бой курантов уйдет в историю 2010 год и вместе с ним первое десятилетие нынешнего века*» (Д. А. Медведев, новогоднее обращение президента России, 31.12.2010 г.).

«*This week terrorists launched a series of attacks in Iraq*» (Дж. Буш, субботнее радиообращение президента США, 1.11.2003 г.).

«*Forty-four Americans have now taken the presidential oath*» (Б. Обама, инаугурационное обращение президента США, 20.01.2009 г.).

«*Die Finanz- und Wirtschaftskrise hält uns seit mehr als zwei Jahren in Atem*» (К. Вульф, инаугурационное обращение президента Германии, 2.07.2010 г.).

Далее главная тема фатического дискурса распадается на несколько микротем, каждая из которых предлагает аргументативный материал в защиту главной. Проиллюстрируем это на примере радиообращения президента США Джорджа Буша от 31 мая 2008 г. Данное радиообращение посвящено улучшению работы Конгресса США. Эта тема распадается на несколько смысловых единств и реализуется в выступлении Дж. Буша через следующие микротемы, каждая из которых раскрывает определенную задачу в работе Конгресса:

- 1) *Congress needs to pass a responsible war funding bill;*
- 2) *Congress needs to support our military families;*
- 3) *Congress needs to ensure that our intelligence professionals have the tools to monitor terrorist communications;*
- 4) *Congress needs to approve the new free trade agreement.*

В завершающей части риторических произведений фатического характера неизменно встречаем положительную проекцию на будущее страны. Здесь мы также не обнаруживаем существенных различий между исследуемыми лингвокультурами. На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с желанием укрепить убежденность граждан в хороших перспективах развития страны. Достоверность этого блока

подкрепляется авторитетом лица, получившего ресурс власти от всего народа или от представительного Федерального Собрания. Максимальную торжественную пафосность, эпидейктичность в своей завершающей композиционной части приобретает, например, инаугурационное обращение: «*may God continue to bless this great land*», «*with God's help, the future of mankind will be assured in a world of justice, harmony, and peace*», «*Es lebe unsere friedliche europäische Zukunft! Es lebe die Republik Österreich!*» и т.д.

3. Лигвостилистическое оформление фатических жанров

Язык политики развивается под воздействием двух начал, находящихся в диалектических отношениях друг с другом: стремления к четкости, точности изложения, терминологичности (в этом отношении он сближается с языком науки и юриспруденции) и в то же время тенденции к образности лексики, яркости высказываний, превалированию эмоционального над рациональным (здесь политический дискурс уподобляется дискурсу художественному).

В указанном смысле фатические жанры политической коммуникации – это как раз такие жанры торжественной (или эпидейктической) риторики, в которых превалирует вторая тенденция, т.е. стремление высказаться ярко и образно, а сама форма сообщения может брать верх над смыслом. Это находит выражение в разнообразных стилистических фигурах речи: метафорах, лексических и синтаксических повторах, параллельных конструкциях и т.д. Например, «*In the face of our common dangers, in this winter of our hardship, let us remember these timeless words. With hope and virtue, let us brave once more the icy currents, and endure what storms may come*» (Б. Обама, инаугурационное обращение, 20.01.2009 г.). «*Пусть сбудутся ваши с а м ы е заветные мечты. Пусть рядом с вами будут с а м ы е дорогие и с а м ы е близкие люди. Пусть всё будет хорошо*» (Д. А. Медведев, новогоднее обращение, 31.12.2009 г.).

Особое внимание следует обратить на широкое использование лексем совместности, являющихся маркерами фатического общения. В нашем корпусе примеров это такие маркеры, как англ. *common, united, shared*; нем. *gemeinsam, zusammen*; рус. *общий, совместный* и др. Очень частотным во всех языках является также инклюзивное местоимение *мы*. Все эти примеры из разных лингвокультур указывают на важность интегративной, объединительной функции фатической коммуникации.

Итак, можно резюмировать, что фатическая коммуникация составляет важнейший культурно-универсальный сегмент политического дискурса. В первую очередь, это объясняется тем, что агенты политиче-

ского дискурса (политики) не заинтересованы в подлинно информативном общении, их главная цель – получить или сохранить статус политического субъекта, а вместе с ним – и доступ к властным ресурсам (во многом, по своему характеру именно коммуникативным). В то же время такая ситуация вызвана и позицией второй стороны политической коммуникации – ее клиентов (народа, избирателей), также чаще всего не стремящихся (и иногда также не имеющих возможности) получить, проанализировать, критически осмыслить новую информацию, но желающих сохранить иллюзорное представление о реальности.

Существенная доля фатических жанров в политическом дискурсе приводит также к мысли о том, что фатическая коммуникация – своеобразная профилактика против общественно-политических катаклизмов, необходимая для поддержания стабильного состояния политических систем, что в конечном итоге способствует их более сбалансированному развитию, делает их более жизнеспособными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон Р. О.* Речевая коммуникация ; Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 306–330.
2. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий : варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : РАН. Ин-т рус. яз., 1993. – 171 с.
3. *Дементьев В. В.* Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции : проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 35–41.
4. *Кашкин В. Б.* Основы теории коммуникации : краткий курс. – 3-е изд. / В. Б. Кашкин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 256 с.
5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
6. *Чернышова Т. В.* Фатическая речь как социальный символ коммуникации : на материале текстов печатных СМИ / Т. В. Чернышова // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2004. – № 4. Раздел Филология. – С. 46–51.
7. *Кашкин В. Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации / В. Б. Кашкин // Серия монографий «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 5 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Издатель О. Ю. Алейников, 2010. – 382 с.
8. *Dufva H.* Everyday knowledge of language : a dialogical approach to awareness / H. Dufva // Finlance. A Finnish Journal of Applied Linguistics. – Vol. 14 : Social and cultural perspectives on language awareness. – Jyväskylä : Language Centre for Finnish Universities, 1994. – P. 22–49.
9. *Герасимов В. И.* Политический дискурс-анализ / В. И. Герасимов, М. В. Ильин // Политическая наука.

Политический дискурс : история и современные исследования. – М. : РАН ИНИОН, 2002. – С. 61–71.

10. *Гришаева Л. И.* Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации : кол. монография / Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. – Воронеж : Изд.-полигр. центр ВГУ, 2009. – 319 с.

11. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

12. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 301 p.

13. *Dijk T. A. van.* Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // *Discourse and Society*. – 2006. – Vol. 7, № 2. – P. 359–383.

14. *Спиридовский О. В.* Авторитетность в политической коммуникации / О. В. Спиридовский // Авторитетность и коммуникация : кол. монография : Сер. : Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Изд. дом Алейниковых, 2008. – С. 98–110.

15. *Кочкин М. Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Кочкин. – Волгоград, 2003. – 184 с.

16. *Спиридовский О. В.* Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Спиридовский. – Воронеж, 2006. – 234 с.

17. *Анисимова Т. В.* Типология жанров деловой речи : риторический аспект : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Анисимова. – Краснодар, 2000. – 349 с.

18. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Лит.-крит. статьи. – М. : Худ. лит., 1986. – 541 с.

19. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М. : Николо-медиа, 2002. – 313 с.

20. *Geier R.* Bestürzt und schmerzlich berührt / R. Geier, G. Schuppener // *Muttersprache*. – März ; Wiesbaden : Gesellschaft für deutsche Sprache, 2002. – S. 15–24.

Воронежский государственный университет

Спиридовский О. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии

E-mail: olegspirid@mail.ru

Тел.: 8-920-465-28-33

Voronezh State University

Spiridovski O. V., Candidate of Philological Science, Teacher of the Theory of the Translation and Intercultural Communication, Faculty of Romance and Germanic Philology Department

E-mail: olegspirid@mail.ru

Tel.: 8-920-465-28-33